

Европейская идентичность и Большая Европа.

Определить четкие границы Европы на карте сложно. Нет единого согласия, относительно критерия европейскости территорий. Греки, например, которые дали название Европе, имели в виду несколько другую территорию. (За Доном и Азовом для них была уже не Европа, а Англия длительное время считалась отдельным островом возле берегов Европы.)

Но еще сложнее обозначить разделяющие линии в сознании людей.

Часто противопоставляют «сформированное европейское сознание», ориентированное на европейские ценности у населения Западной Европы и самосознание Восточной Европы, которое соответствует другим жизненным парадигмам при отсутствии идентификации себя как части общей ценностной системы.

Давайте посмотрим, насколько это правомерно.

1. Сознание – это одно из основных понятий философии, психологии и социологии, которое означает высший уровень духовной активности человека как социального существа.

Понятие «сознание» охватывает как индивидуальное, так и общественное сознание. В данном случае мы будем иметь дело с общественным сознанием, которое является отражением общественной жизни людей, но реализуется в процессе их деятельности. Подобно к тому, как общество не является "суммой людей, его составляющих", так и общественное сознание, не является "суммой" сознаний отдельных индивидуумов. Общественное сознание – качественно особая духовная система, которая живет своей, относительно отдельной жизнью.

2. Духовная жизнь Европы в последнее время притягивает внимание многих исследователей, как у нас, так и на Западе.

Длится поиск исторических корней и базовой системы ценностей, которые позволили выделить европейцев в отдельное сообщество и сформироваться феномену европейского сознания.

Далеко не единственным является мнение евроэнтузиастов о скором осуществлении планов построения единой Европы как супергосударства со всеми соответствующими институтами (политическими, экономическими, гражданскими). Например американский политолог З.Бжезинский небезосновательно утверждает, что в самом деле, европейская "Европа" как такая, не существует. Это мечта, концепция и цель, но она все еще не действительность.

3. Так как нельзя по внешним признакам определить «европейскость», то обращаются к возникновению этого понятия в сознании людей, населяющей континент. Ставится вопрос о европейской идентичности.

При определении европейского сообщества мы натываемся на массу разнообразных вопросов, дать однозначные и окончательные ответы, на которые очень тяжело, так как "у европейцев есть много, что их объединяет, а еще большее того, что их разделяет" – удачно заметил Дж.МакКормик.

В широком значении понятие "идентификация" означает "самоопределение", "самоотождествление" индивидов и групп в обществе, в "социуме". Речь идет о том, какое сообщество индивид и группа считают своим "социумом", относительно чего они самоопределяются, какие характеристики при этом считают "своими", такими, что принадлежат себе самому и своей группе, где границы этого сообщества и как оно связанное с другими и т.п.

4. Осознать себя как индивида или члена определенной группы можно лишь на фоне чего-то отличного от себя. Если нет от чего себя отличить, то нет оснований говорить о какой-либо своей отдельности и особенности.

Резкие процессы глобализации и интеграции на европейском континенте в конце минувшее столетие создали качественно новые условия

существования отдельных индивидов и групп и их отношений с окружающим социумом.

5. Кризис идентичности, как национальной, так и наднациональной есть одним из характерных явлений современности. С все большей скоростью разрушаются социальные границы, дезорганизуются большие сообщества и структуры. Растет культурная фрагментарность. В современной мировой литературе трансформация идентичности трактуется в контексте процессов глобализации, постмодернизации и детрадиционализации общества.

В таких условиях чрезвычайно трудно сказать, какая страна есть "более", а которая "менее" европейской. Можно лишь легко согласиться с британцем Д.Рейнольдсом, что "идея явным образом выраженной европейской идентичности проблематическая". Континент никогда не был культурно однородным.

В культурном плане не только Карпаты, Днепр или Урал можно рассматривать как границу Европы на Востоке. На Западе – Ла-Манш (даже с прорытым туннелем) все также является значительным психологическим, а не географическим барьером. На подтверждение можно привести один известный, возможно немного апокрифический, заголовок в лондонской газете: "Туман над Ла-Маншем, Европа отрезана".

6. Государственные образования с эпохи средних веков играли основную роль в международной жизни. Потому, на протяжении столетий сложилась иллюзия безальтернативности этих общественных институтов, как таких, что объединяют определенные группы людей, дают им возможность выделять себя среди остального населения мира, почувствовать свое единство, выработать общую систему ценностных ориентаций и отстаивать ее.

Тем не менее последние десятилетия процессы регионализации и глобализации породили новые межгосударственные структуры. С подписанием Маастрихтского договора европейская интеграция перестала быть явлением сугубо экономическим. Даже переросшая уровень политико-административного плана, где она интересовала, в основном,

правительственных экспертов. В 90-х гг. XX ст. этот процесс стал рассматриваться в значительно более широком контексте общности европейской цивилизации, культуры и идентичности и охватил широкие массы людей.

Соответственно, пришлось искать некий фон, на котором жители всех государств Западной Европы смогли бы почувствовать свою общность.

Таким фоном очень легко становятся соседние, задержавшиеся в экономическом развитии, в связи с командно-административной системой, страны бывшего Советского Союза.

8. Но количество приверженцев интеграционных процессов в самой Западной Европе показывает, что феномен европейского сознания несостоятельный пока заменить собой национальную идентичность жителей континента, что переживает кризисные явления. По результатам соцопросов только около половины европейцев однозначно положительно относятся к процессу интеграции, не говоря уже о едином гражданстве и отказе от национальной и этнической составляющей их самосознания.

Проводники европейской идеи натолкнулись на отмежевание большинства населения от политических процессов формирования общеевропейской власти. В частности, на выборах в Европарламент в 1999 году абсентеизм в Великобритании составлял 76%. Для многих британцев Европа оставалась не целостным, а разъединенным континентом.

Национальные традиции остались крепкими и граждане западноевропейских государств не особенно охотно вливаются в один большой тигель, который бы переплавил все нации на одну “европейскую”. Западная Европа, вопреки попыткам превратить ее в единое федеративное государство, сильно отличается от Соединенных Штатов Америки, и сплавить вместе британцев, французов, немцев осталось планами энтузиастов на третье тысячелетие.

Структуризация европейского населения на рубеже тысячелетий продолжает иметь национальный фокус, правда, скоррелированный с

европейскими требованиями. Социальные права вместе с гражданскими и политическими сформировали триаду, которая стала основой ключевой парадигмы построения сосуществования наций в Единой Европе. И после развала социалистической системы всеобщая демократизация создает равные условия для ее воплощения по всей Большой Европе.

Аргументация невозможности расширения ЕС на территорию бывшего Советского Союза основанная на несовместимости сознаний и отсутствия на Востоке «европейской идентичности» является искусственной, исходя из процессов становления европейской гражданской общности на Западе.

В данном случае необходимо учитывать, что долгодействующие традиции, которые упрочились в массовом сознании, присущи всем национальным государствам Европы и не могут быть разрушенными в короткое время. А в современном глобальном мире, они будут трансформироваться одновременно по всей Европе, не разделяя ее на Западную, Восточную, Постсоветскую и т.д.